

Г.С.Чернова
(г. Могилев)

А.С. ПУШКИН – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК.

Как каждый большой художник, обладающий непосредственным знанием законов творчества, А.С. Пушкин имел свое отношение к искусству, свои представления о его целях и задачах, которые высказывал в критических статьях, письмах, черновых набросках, неопубликованных заметках. Его первый литературно-критический очерк датирован 1815 г.; последние статьи, которые предназначались для «Современника», были подготовлены в январе 1837 г. 160 работ, в число которых входили опубликованные и незавершенные материалы, посвященные насущным проблемам современной Пушкину литературы, а также истории русской и зарубежной словесности, позволяют говорить о том, что критика составляет значительную часть его творческого наследия, заслуживающую самостоятельного изучения.

В 1980-х гг. в советском литературоведении шли активные дискуссии о специфике критики. Одни исследователи (Б. Бурсов) рассматривали ее как литературу, другие – как синтез науки и литературы (Ю. Борев), третьи – как сплав науки и публицистики (И.Кондаков). Необходимость уяснения особенностей и задач критики понимал и Пушкин. Этим вопросам он собирался посвятить отдельную статью, о чем свидетельствует сохранившийся набросок, условно называемый «О критике» (1830). «Критика – наука, – писал он. – Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы. Она основана на современном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и деятельном наблюдении современных замечательных явлений» [1, Т.6, с.281]. Несколькими годами ранее в письме к П.А. Катенину (февраль 1826) Пушкин определил задачи «истинной критики»: «забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление» [1, Т.9, с.212]. Он неоднократно сетовал, что «критикою у нас большею частию занимаются <...> не критики, но даже и не литераторы» [1, Т.6, с.328]. Пушкин, таким образом, вплотную подошел к выводу, что критика – это особый вид литературной деятельности: являясь

наукой, она связана с общеэстетическими категориями и обладает собственной методологией; стремясь воздействовать на общественное мнение, она обнаруживает близость к публицистике. А от самого критика его деятельность требует литературного таланта, чтобы не только идейно, но и эмоционально-эстетически воздействовать на публику. В этой связи интерес представляет его замечание об авторе нашедшей статьи «Литературные мечтания». «Он (В.Г. Белинский – Г.Ч.) обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, – словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» [1, Т.6, с.180]. «Замечательный критик», в понимании Пушкина, должен соединять в себе качества ученого, публициста и литератора. Как свидетельствовал И.В. Киреевский, сам Пушкин «открыл средства в критике, в простом извещении о книге, быть таким же поэтом, как в стихах» [2, Т.1, с.24].

Значительным достижением русской литературно-критической мысли первой трети XIX в. являются суждения Пушкина о прошлом, настоящем и будущем нашей словесности, о ее национальных особенностях и месте в мировой культуре. В 1834 г. Пушкин начал работу над статьей, название которой явно указывает на ее дискуссионный характер: «О ничтожестве литературы русской». В. Г. Белинский заметил, что «Пушкин, которого поэзия самый звучный и торжественный орган русского духа и русского слова, не мог презирать той литературы, которой посвятил всю жизнь свою» [3, Т.4, с.247]. Сохранившиеся планы дают представление о масштабе предполагаемой работы: Пушкин намеревался проследить историю русской литературы от древних времен до «века Александра» [1, Т.6, с.284-286]. Однако было написано только общеисторическое введение к первой части статьи. Поэтому основные ее положения приходится реконструировать по использованным в тексте более ранним наброскам и заметкам, а также историко-литературным обобщениям, изложенным в других работах.

В 1830 г. Пушкин записал: «Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, без предков и родословной» [1, Т.6, с.324]. Эта мысль оспаривала точку зрения Н.И. Новикова, который утверждал в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), что русская литература существовала и в допет-

ровские времена. Следует отметить, что поэт был знаком со «Словарем» и с уважением относился к научной добросовестности его автора. Неубедительными представлялись ему не статистические данные Новикова, насчитавшего 57 древнерусских писателей. К 1830-м гг. у Пушкина сложилось твердое убеждение, что литература остается «ничтожной», если она «не есть потребность народная» [1, Т.6, с.325]. Отмечая, что словесность «рождается сама собою, из своих собственных начал», он объяснял уровень ее развития объективными обстоятельствами, демонстрируя тем самым исторический подход в оценке анализируемых явлений.

«Бедность» древнерусской литературы Пушкин обуславливал трагическими событиями русской истории. Татаро-монгольское нашествие, принесшее неисчислимы бедствия народу, на несколько столетий приостановило развитие культурной жизни страны. В «порабощенной и растерзанной Руси» только духовенство сохранило «бледные искры византийской образованности». Из его среды вышли летописцы и авторы архиерейских посланий к князьям и боярам. Но их произведения оставались недоступными широкому читателю и не могли формировать «общее (общественное. – Г.С.) мнение». В Средние века «Европа наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и пр., но старинные наши архивы и вифлиотики не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, непрерывно поновляемых, сохранили полуизглаженные черты народности, и «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей словесности», – констатирует Пушкин [1, Т. 6, с. 361].

Однако необходимо подчеркнуть, что в суждениях поэта не было уничижительных оценок ни русской истории, ни русской литературы. Доказательством тому является его ответ на «Философские письма, адресованные даме» П.Я. Чаадаева (1836). Автор «Брошюры» писал о России: «Сначала – дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого унаследовала наша национальная власть <...>. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его преданиях» [4, с. 123-124]. В неотправленном письме (19 октября, 1836) Пушкин напомнил Чаадаеву, что «образующееся просвещение» Европы было спасено «порабощенной Русью»: «Нашим

мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» [1, Т.10, с.287].

Обращает на себя внимание прозвучавшая в письме к Чаадаеву мысль, ранее высказанная Пушкиным в статье «О ничтожестве литературы русской»: условием развития словесности должно стать просвещение нации, ибо литература появляется тогда, когда появляется заинтересованный в ней читатель. Этот вывод впоследствии неоднократно повторяют критики и историки литературы.

Значение петровских реформ Пушкин, ко всему прочему, усматривал в том, что они дали толчок развитию просвещения, которое стало в итоге общественной потребностью. «Поколение преобразованное презрело безграмотную, изустную народную словесность», – отмечает он в Планах к своей статье [1, Т.6, с.385]. К тому же «окно в Европу» открыло русским писателям образцы мировой и, прежде всего, французской литературы. В статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе поэзии как иностранной, так и отечественной» (1836) Пушкин уточнил: «Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху» [1, Т.6, с.124]. Данный факт автор статьи связывал с усвоением русскими писателями XVIII в. эстетики французского классицизма и вольном или невольном подражании образцам «великого примера». В раннем наброске «О французской словесности» (1822) Пушкин отметил, что «следовали ей» Ломоносов, Тредиаковский, Дмитриев, Карамзин, Богданович. В статье, начатой в 1834 г., он намеревался подробно проанализировать причины «обмеления» французской поэзии, из которых русская словесность должна была, по его убеждению, извлечь поучительные уроки. «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония, холодная и осторожная, и насмешка, бешеная и площадная» [1, Т.6, с.365]. Исследователи всегда отмечают новаторство Пушкина-критика, обуславливавшего литературу особенностями эпохи и господствующим в обществе мирозерцанием. При этом особо подчеркивается, что объективными обстоятельствами он определял не только содержание, но и форму существующей в данное время поэзии. Но, очевидно, по идеологическим соображениям приходилось замалчивать еще

одну важную мысль, прозвучавшую в историческом Введении: неизбежен упадок словесности, разорвавшей связи с религией, этим вечным идеалом Добра и Красоты, на который ориентируется подлинное искусство.

Далее Пушкин планировал «обратиться к России». Исходя из общих положений Введения, он, по-видимому, намеревался проследить периоды развития русской литературы, проанализировать «нынешнее» ее состояние и определить задачи «нашей юной словесности».

«Духом века» в предыдущих своих работах Пушкин объяснял необходимость создания литературы народной. Еще в 1820-е годы в критике широко обсуждался вопрос о национальных самобытностях русской словесности. Об этом писали А. Бестужев, В. Кюхельбекер, Н. Надеждин, И. Киреевский, А. Полевой и др. Но, как заметил Пушкин, «никто не думал определить, что разумеет он под словом народность». В наброске «О народности литературы» (1826) он предпринял такую попытку: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [1, Т.6, с.238].

Пушкин, таким образом, находит не только конкретно-историческое, но и национально-этическое обоснование народности. Он делает шаг вперед по сравнению с трактовкой этого понятия декабристами, Надеждиным и Полевым, поскольку не допускает в своих суждениях подход, который впоследствии получил название «классовый» и который, в сущности, приводил к путанице понятий «народность» и «простонародность». Народность художественных произведений он усматривал не в сюжетах из отечественной истории, не в приметах простонародного быта и обилии простонародных слов. В «идеализированном «Ермаке» (имеется в виду одноименная драма будущего идеолога славянофильства А.С. Хомякова. – Г.Ч.) все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии», – заметил Пушкин в незаконченной статье «О народной драме и «Марфе Посаднице» М.П. Погодина» (1830) [1, Т.6, с.320]. Неоднократно указывая на связь народности с национальной этикой, Пушкин вплотную подошел к выводу о том, что самобытность литературы обуславливается национальным самосознанием. Это положение являлось основополагающим и в его сужде-

ниях о задачах и назначении русской критики, которая, как и литература, должна была, по его убеждению, выразить «мнение народное» и быть «указателем нашего умственного развития». А ориентация искусства на абсолютный этико-эстетический идеал Добра и Красоты позволяет говорить о том, что Пушкин прокладывал путь в критике, оценивающей литературные явления не только на уровне конкретно-историческом, но и на вневременном.

Литература

1. Пушкин, А.С. Собр. соч. В 10 т. – М., Художественная литература, 1974-1978.
2. Киреевский, И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. – М., Типография П. Бахметева, 1861.
3. Белинский, В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., Художественная литература, 1976-1982.
4. Чаадаев, П.Я. Философские письма, адресованные даме. Письмо первое // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. – М., Издательство Московского университета, 1989. С. 120-134.